

Вадим Смоляк – поэт интеллектуально-ироничный. Он – постоянный участник конкурса имени Хармса «Четвероногая ворона», лауреатом которого стал в 2021 году. О себе Вадим пишет: «...окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской, но ни культуре, ни Надежде Константиновне это счастья не принесло. При выборе рода деятельности руководствовался методом «от противного». Когда всё опротивело, осталась литература». От редакции могу только порадоваться, что литература осталась и предлагаю читателю с её плодами (а именно – стихами) ознакомиться.

Д. Л.

* * *

Что изменится в мире, когда запоют соловьи,
Зацветёт бузина и вернётся из Киева дядька?
Если завязи нет, то прогорклую зависть сорви
И со мной на дорогу у старой калитки присядь-ка.

Я горазд зимовать, я умею быть тёплым внутри,
А весна для меня – это радость на грани припадка.
Сердца тающий лёд, будто слёзы, с порога утри
И скажи пару слов на прощанье, скорей, для порядка.

Реку времени мне не осилить ни вплавь и ни вброд.
Я барахтаюсь в ней недобитым врагами Чапаем.
Я был сложен с тобой, как надёжный моральный урод,
А теперь нищевродом из суммы надежд вычитаем.

Вечно юная птица, родная моя травести,
Ты настолько ясна, чтобы вовсе презреть непогоду.
Неспособный летать и ползти я, рождённый грести,
Буду плыть по волнам, ненадолго ныряя под воду.

* * *

Поначалу цель не казалась трудной –
На просторах клетчатого листа
Притаился маленький однотрубный
В неизвестной бухте. Одной из ста.

Я считал, что стоит расставить мины,
Прочесать фарватер от «А» до «К»,
Чтоб увидеть, как проплывает мимо
Однотрубный труп моего врага.

Задымилась палуба у эсминца
И красавец крейсер пошёл на дно.
Им давным-давно ничего не снится,
Да и мне не спится давным-давно.

Я утюжу волны прямой наводкой,
Корабли сжигаю, как письма жгут,
А последний, будто подводной лодкой
От беды залёг на бумажный грунт.

Мы с тобой на поле морского боя.
Мы бурлим, как два судовых котла,
Щеголять пытаемся хвост трубою
И спалить стараемся всё дотла.

Но когда судьба к нам бывает грубой
До морганья век, до дрожанья губ,
Выплывает маленький однотрубный,
Уцелевший в море сожженных труб.

* * *

На АЗС в неоновых лучах
Заходит гость, высок и худощав,
И, подойдя к залапанной витрине,
Он говорит сидящим при свечах
Двум продавщицам – Анне и Марине:

– Я Пастернак. Какой у вас дубак!
Налейте мне скорее полный бак.

Я должен срочно ехать восвояси.
Искусства нет, кругом один кабак.
Я обречён, как ронин Кобаяси.

Чем дальше в лес, тем всё мерзее здесь.
Здесь никогда никто не даст нам днесь,
Но за пустяк замучают счетами.
Там у колонки серый «Мерседес»...
– Вы Пастернак?
А мы вас не читали.

– О, череда фатальных неудач!
Ну, как же так? Февраль, чернила, плач
У каждой дуры с котиками в ленте!
Я заплачу, скажите мне, how much,
И полный бак, пожалуйста, налейте!

В ответ он слышит вежливый отказ.
– Бензина нет, но можем брызнуть газ, –
Сказала Анна, пухнувшая с пива.
– Вглядиись, Марина, в профиль и анфас.
Ведь он наивно косит под Шекспира.

В небесный бак вливается рассвет.
Бряцает цепь, скрипит велосипед,
Переживая бремя человека.
По облакам взбирается Поэт
В безбрежный рай Серебряного века.

* * *

Вот девчонка Дороти, та же Элли.
Как её желали и как жалели!
По дороге жёлтого кирпича
Шла она к волшебнику, трепеща.
Подойти потрогать её нельзя, но
Если ты летучая обезьяна,
Налетай и тискай, тащи в обоз.
Обезьяна – важная птица в Оз.

Заходила к Урфину выпить джуса.
Кто такой, откуда, какого жуза?

Притулился с филином у перил.
Как пилил он лихо, ох, как пилил!
Во дворе валялись сандал и ясень.
Собирал солдата он из балясин.
Генерал командовал, строг и ал.
Как строгал он грамотно, как строгал!

Говорил Страшила ей: «Между нами,
Лучше жить со вшивыми жевунами,
Чем искать загадочный изумруд.
Всё равно когда-нибудь все умрут.
Наша жизнь – орлянка, бура да сека.
Продадим Железного Дровосека.
Льва заморим голодом – бох за нас.
Пропадай он пропадом, твой Канзас!»

Растворилась родина, как Бастинда.
Элли, та же Дороти, как не стыдно
Замочить за детские башмачки?
Так у нас не делают де-вач-ки.

ТВАРИ

Жили-были у Вари
твари

носатая сопливая
рогатая бодливая
большеротая голодная
колченогая негодная
страшенькая странная
старшенькая старая

то ли прилетели из космоса
то ли из потустороннего мира
Варя расчёсывала им волосы
одевала кормила
хоть малообеспеченна
пела песни вечером

«Ах вы твари-тваречки
я куплю вам маечки

полетите твари
на воздушном шаре
облетите землю всю
от москвы и до хонсю
и сю
да вернётесю...»

на первое мая
да на восьмое марта
Варя всем тварям
дарила по подарку

носатой платочки
рогатой цепочки
большеротой косточки
колченогой тросточки
страшненькой по бусинке
старшененькой подгузники

всё-то сказки-вымыслы
вот и твари выросли
аксакал-ворожей
отыскал им мужей

носатой курильщика
рогатой точильщика
большеротой пекаря
колченогой лекаря
страшненькой слепца
старшененькой скопца

раскатились твари
от твери до бари
осталась Варвара
одна у самовара

а в начале месяца
твари вдруг как взбесятся
будто на пожаре
и мужей сожрали

носатая копчёного
рогатая толчёного

большеротая целиком проглотила
колченогая костылем подкатила
страшненькая с сыром и луком
старшененькая с сыном и внуком

гони Варя печаль
беги тварей встречай!

Жили-были у Зои
зомби...

* * *

Когда жевали мы гудрон
У сельсовета –
Серёжка, Колька, я, Андрон,
Семен и Света –
То мир казался немудрён,
Как танец полька.
Но вот ушёл от нас Семен,
А следом Колька.
Серёжка стал в тюрьме своим,
Украва барсетку.
Увёз паром в Ерусалим
К арабам Светку,
Андрон поёт про дежавю
Мне из дурдома,
А я, по-прежнему, жую
Куски гудрона.

АРКАДИЯ ЛЬВОВНА

Граббе Аркадия Львовна
Укрощала бы запросто львов на
Главной арене цирка,
Если б не кухня и стирка.

Аркадия Львовна Граббе
Могла бы командовать в штабе,
И там среди ВэВээС
Она бы имела вес!

Скажу вам не шутки ради я,
Уехать могла бы Аркадия,
Да муж её не готов
Покинуть родимый Львов.

«Не ступим на те же грабли,
Что Лев Соломоныч Граббе!
Америка Львову не ровня!» -
Твердит он Аркадии Львовне.

Аркадия Львовна Граббе
Много чего могла б, э-э-э...

* * *

Переводи старух через дорогу.
Не для вердикта Страшного Суда,
Не в раболепной робости пред богом
Переводи старух туда-сюда.

Взяв на себя тяжёлый груз авосек,
Стрелой вонзайся в транспортный поток.
Пускай они об этом и не просят,
Переводи за тонкий локоток.

Старух гнетёт земное притяженье,
Прогноз погоды, думы о былом.
Одна отрада – вечное движенье
Через дорогу в дальний гастроном.

Стань маяком в тумане едкой гари,
Среди таксистов, вжатых в тормоза,
Чтоб вспоминать, как благостно моргали
Тебе вослед старушечьи глаза.

Наград не жди: ни места в райских куцах,
Ни отпущенья сладостных грехов.
Переводи их. Больше, дальше, лучше...
Непринужденно, бережно, легко!

* * *

у розы
к которой никто не липнет
из-за острых как спицы углов
был карл
по фамилии
либкнехт

у никулина – вицин и моргунов

у карацупы
была собака
всего за тарелку супа
из лошадиных останков
солёных и вяленых

у остапа
был воробьянинов

у бубновой дамы –
пиковый валет
у конфорки – спичка
у вилки – розетка
а у меня лично
никого нет
с кем я мог бы пойти в разведку

* * *

Мы привыкли делить этот мир на двоих,
Даже если он был к нам неистово лих.
На двоих, отправляясь в крутой переплёт,
Набивали бывалый рюкзак.
Но теперь наши души бронёй обросли,
Не дослушан Кобейн, не досмотрен Брюс Ли.
За тобой прилетел голубой вертолёт,
А за мной грузовой автозак.

Разбежались дороги на зюйд и на ост.
Слишком долгая память – ненужный нарост.
Без неё улучшается тонус и пульс

И здоровым становится сон.
Отчего же тогда, как восходит луна,
Сердце ухаёт, словно удар колуна,
И мне кажется, я никогда не проснусь,
И не кончится мёртвый сезон.

Позабить невозможно, а помнить нельзя.
Надо Богу шепнуть, что мы снова друзья.
Для него это шутка из детских забав –
Всё равно будто по морю вброд.
И мы воем протяжно холодной луне
На разнеженном пляже и на Колыме,
Но слова, замерзая, хрустят на зубах
И до крови царапают рот.

Так решила судьба из-за пары монет.
Между нами лукавых и праведных нет,
И вино, как вино, до конца не испить,
А вода не смывает грехи.
Ты когда-нибудь вспомнишь за рюмкой sake,
Что весь мир умещался в одном рюкзаке:
И дыхание ветра, и пение птиц,
И свинцовое тело реки.

* * *

несу в кошёлке к реченьке
мышоночка топить
всё потому что нечем мне
хорошего кормить
ни пшёнки нет
ни греченьки
несу мышонка
к реченьке
колышется кошёлочка
ох жалко мне мышоночка

тащу в котомке к реченьке
котёночка топить
всё потому что нечем мне
весёлого кормить
и как бы он

ни ластился
ни рыбы нет
ни маслица
шевелится котомочка
обидно за котёночка

везу на тачке к реченьке
собаченьку топить
всё потому что нечем мне
мохнатую кормить
кругом гардины
розочки
но ни единой
косточки
скрипит в ушах колёсико
болит душа за пёсика

веду за ручку к реченьке
ребёночка топить
всё потому что нечем мне
смышлёного кормить
ни мышки нет
ни кошечки
ни лишней
хлебной крошечки
мне шею трёт веревочка
а я веду ребёночка